

²⁹ A General History of the Pyrates... – P. 335-338; History of the First Attempt of the French (The Huguenots) to Colonize the Newly Discovered Country of Florida. By Rene Laudonniere // Historical Collections of Louisiana and Florida. – New York, 1869. – P. 275.

³⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. – С. 112-123.

³¹ Губарев В. К. Капитан Эманюэль Винн. Режим доступа: <http://drrake.mylivepage.ru/wiki/778/657>.

³² Pringle P. Jolly Roger: The Story of the Great Age of Piracy. – P. 123; Vellar C. The Jolly Roger and No Quarter Given. Режим доступа: attachment:/2/attachment2.htm; Конелев Д. Н. Золотая эпоха морского разбоя / Д. Н. Конелев. – М., 1997. – С. 159.

³³ Губарев В. К. Происхождение «Веселого Роджера». Режим доступа: <http://drrake.mylivepage.ru/wiki/779/240>.

³⁴ Pringle P. Jolly Roger: The Story of the Great Age of Piracy. – P. 124.

³⁵ Konstam A. Scourge of The Seas. Buccaneers, Pirates and Privateers / A. Konstam. – P. 153; Speilbergen's Journal // The East and West Indian mirror: being an account of Joris van Speilbergen's voyage round the world (1614-1617), and the Australian navigations of Jacob Le Maire / ed. by Villiers J. A. J. – L., 1906. – P. 19.

³⁶ Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea: Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700-1750 / M. Rediker. – Cambridge, New York, 1989. – P. 189.

³⁷ Beorch S. M. Pirate Lingo / S. M. Beorch. – L., 2007. – P. 28-29.

Гегемонизм и антиспартаанская симмахия в Греции в 395 – 386 гг. до н. э.

ФИЛИППОВ А. М.

А. М. Філіппов. Гегемонізм та антиспартаанска симмахія в Греції в 395 – 386 рр. до н. е. Стаття присвячена одній з найбільш важливих проблем – проблемі гегемонізму в Стародавній Греції в період Коринфської війни. На основі аналізу різних джерел автор приходить до думки, що Афіни, Фіви, Коринф і Аргос були політичною віссю антиспартаанської симмахії в 395 – 386 рр. до н. е. На думку автора, можливо говорити про гегемоністські задуми найбільш важливих грецьких полісів. Таким чином, автор робить висновок, що симмахія 395 р. до н. е. являла собою базу для реалізації гегемоністських планів Афін, Фів, Коринф і Аргоса.

Ключові слова: гегемонія, антиспартанська коаліція, симмахія, Афіни, Коринфська війна.

A. M. Filippov. Hegemonism and antispartan symmachy in Greece in 395 – 386 B. C. The article is devoted to one of the most topical problem in greek history, which is the problem of hegemonism in Ancient Greece in the Corinthian War's period. Basing upon analysis of various sources, the author gives his opinion that Athens, Thebes, Corinth and Argos was the political axis of the antispartan symmachy in 395 – 386 B. C. In author's opinion it is possible to say about the hegemonic intents of the most important greek poleis. Thus author claims that antispartan symmachy of 395 year B. C. was the foundation for the realization hegemonic plans of Athens, Thebes, Corinth and Argos.

Key words: hegemony, antispartan coalition, symmachy, Athens, Corinthian War.

В последние годы Пелопоннесской войны в спартанской политической практике утвердились экспансионистские методы, от которых лакедемоняне не стали отказываться и в мирное время. Повествуя о событиях в Древней Греции в послевоенные годы, античные историки справедливо отмечали, что экспансионизм Спарты способствовал росту антиспартанских настроений не только среди бывших ее противников, но также и среди спартанских союзников. Закономерным результатом этого процесса явилось создание антиспартанской симмахии, которая в 395 г. до н. э. бросила вызов гегемону Эллады.

В современном антиковедении утвердилось мнение об антиспартанской направленности и, следовательно, антигегемонистской сущности этого объединения¹. Такая упрощенная, на наш взгляд, оценка антиспартанской симмахии, существенно затрудняет понимание причин и характера Коринфской войны. Между тем, по мнению Дж. Дэвиса, причины запутанной и внешне вялой Коринфской войны были сложны и противоречивы. Этот конфликт, как справедливо отмечает британский исследователь, являлся продолжением войны Пелопоннесской². Дж. Дэвис приходит к выводу, что в 395 – 386 гг. до н. э. наиболее влиятельные греческие полисы, по сути, оспаривали гегемонию у Спарты³. Правда, он не указывает, к какого рода гегемонии стремились отдельные полисы: к региональной или всегреческой. Насколько можно расценивать усилия отдельных участников союза как стремление к гегемонии? К сожалению, вопрос о соотношении гегемонизма союзников и самой антиспартанской симмахии не получил достаточного освещения в специальных исследованиях, и поэтому нуждается в особом рассмотрении. Дело в том, что такое рассмотрение позволяет объяснить не только многие аспекты конфликта, но также и понять сущность масштабных межполисных альянсов 70 – 60 –х гг. IV в. до н. э.

Из обширного круга источников, которые содержат разноплановую информацию о Коринфской войне, лишь Ксенофонт в «Греческой истории» наиболее полно освещает действия союзников по антиспартанскому союзу. Однако он не говорит ни слова об образовании союза в 395 г. до н. э. Поэтому основным источником об этом событии является небольшой рассказ Диодора Сицилийского (XIV, 82). Ядром симмахии, как сообщает Диодор, были беотийцы, афиняне, коринфяне и аргивяне. Союзники, передали руководство новой симмахией общему собранию ($\zeta\sigma\acute{\epsilon}\delta\rho\iota\omega\nu\kappa\tau\omega\nu$), которое заседало в Коринфе (Diod., XIV, 82, 2)⁴. К союзу примкнули полисы Эвбей, Халкидики, Левкады, Амбракии и Акарнании (Diod., XIV, 82, 3 – 4)⁵. Большинство же пелопоннесских полисов сохранили верность Спарте.

Речь фиванских послов перед афинянами, которую некоторые исследователи напрасно расценивают как выдумку Ксенофонта⁶, заслуживает особого внимания, поскольку в ней, безусловно, представлена оценка политической ситуации в Древней Греции накануне Коринфской войны. Так, фиванские послы, в изложении Ксенофонта, из общей массы недовольных эллинов поименно называют лишь пелопоннесских союзников Спарты – элейцев, коринфян, аркадян и ахейцев (Xenoph., Hell., III, 5, 11– 12). Вероятно, таким способом фиванцы (или Ксенофонт) желали подчеркнуть нарождавшийся сепаратизм наиболее близких союзников спартанцев. Тем не менее, большинство полисов Пелопоннеса отказались примкнуть к антиспартанскому альянсу. Источники умалчивают о причинах отказа, отмечая лишь сохранение верности пелопоннесцев своему гегемону (Diod., XIV, 82, 2; Xenoph., Hell., III, 5, 8 – 16). Чем можно объяснить такую преданность? Упоминание недовольных пелопоннесцев в речи фиванских послов по хронологии повествования соответствует тому времени, когда еще не существовало никакой антиспартанской симмахии, как и афино-беотийского союза. В тот момент политическая обстановка в Пелопоннесе действительно могла быть весьма напряженной, но к осени / зиме 395 г. до н. э. ситуация в Греции, по-видимому, существенно изменилась. Вероятнее всего, олигархические группировки, в то время обладавшие сильным влиянием во многих полисах Пелопоннеса, не желали сближения с коалицией государств, многие из которых были демократическими.

Сообщение Диодора (Diod., XIV, 82, 3 – 4) не противоречит информации Ксенофонта о составе антиспартанского альянса. Автор «Греческой истории», как и Диодор, неоднократно упоминает участие тех же союзников в военных акциях у Немеи (Diod., XIV, 82, 10; 82, 1; Xenoph., Hell., IV, 2, 16 – 23) и Коронеи (Diod., XIV, 84, 1 – 2; Xenoph. Hell., IV, 3, 15 – 21). Ни одному из участников антиспартанской симмахии гегемония ни *de jure*, ни *de facto* не принадлежала. Однако источники уделяют особое внимание событиям, которые имеют прямое отношение к таким полисам, как Афины, Фивы, Коринф и Аргос:

например, миссии родосца Тимократа (Paus., III, 9, 8; Plut., Artax., 20; Xenoph., Hell., III, 5, 1), афино-фіванским переговорам в 395 г. до н. э. (Xenoph., Hell., III, 5, 8 – 16), возведению оборонительных сооружений в Афинах в 393 г. до н. э. (Diod., XIV, 85, 2 – 4; Xenoph., Hell., IV, 8, 10), синтелии Аргоса и Коринфа (Plut., Ages., 21; Xenoph., Hell., III, 4, 6) в 392 г. до н. э. Такое внимание к этим государствам не случайно – ведь именно они составили *политическую ось*, к которой примкнули остальные союзники.

Осевой статус Афин, Фив, Коринфа и Аргоса в антиспартанской симмахии может быть объяснен их наибольшим военным потенциалом. Основу армии антиспартанской симмахии летом 394 г. до н. э. составляли афинские (6 тыс.), беотийские (5 тыс.), коринфские (3 тыс.) и аргосские (7 тыс.) гоплиты (Xenoph., Hell., IV, 2, 16 – 17). Удельный вес этих отрядов в 24-тысячной тяжеловооруженной пехоте союзников составлял около 85 %. Хотя в начале Коринфской войны симмахия и не обладала достаточным количеством кораблей, С. Пельман справедливо полагает, что для недовольных греков именно кипро-финикийский флот афинянина Конона являлся главным аргументом в пользу выступления против Спарты летом 395 г. до н. э.⁷ Так, например, в сражении при Книде этот флот насчитывал свыше 90 кораблей и по своим боевым качествам явно превосходил 85 триер спартанца Писандра (Diod., XIV, 83, 4–7). К лету 393 г. до н. э. Фарнабаз передал Конону 80 кораблей под самостоятельное командование и свыше 50 талантов (Diod., XIV, 85, 2; Nero., Conon., 4). В то же время и коринфяне на полученные персидские субсидии строили флот, который должен был обеспечить господство союзников в Коринфском заливе и у западного побережья Пелопоннеса (Xenoph., Hell., IV, 8, 10). Необходимо отметить, что из всех союзников только афиняне и коринфяне имели давний военно-морской опыт. К примеру, афинские и коринфские эскадры в начале Пелопонесской войны насчитывали соответственно около 300 и 100 кораблей (силы коринфян равнялись трети всего пелопонесского флота) (Thuc., I, 46, 1).

Давние связи Афин, Фив, Коринфа и Аргоса со многими греческими государствами, вероятно, играли в создании антиспартанского союза не меньшую роль, чем их военный потенциал. Хотя к концу V в. до н. э. в результате распада Афинского Морского союза и формирования Спартанской архэ система межгреческих связей существенно изменилась, в полисах Эгейиды, как свидетельствуют источники, оставались симпатики афинян. Так, например, в конце V в. до н. э. многие афинские изгнанники нашли убежище в других греческих городах (Demosth., XV, 22 – 23; Diod., XIII, 106, 6; XIV, 6; Isocr., IX, 51; Iustin., V, 9, 3; Nero., Alc., 9 – 10; Plut., Artax., 21, Lys., 27; Xenoph. Hell., II, 4, 1). Следует отметить, что многие полисы Халкидики и Эвбеи, примкнувшие к антиспартанскому альянсу, ранее – в V в. до н. э. – были союзниками Афин (Thuc., I, 57, 5 – 6; VII, 57, 4). Расчет на давние связи

афинян, как и персидская поддержка, по всей видимости, укрепляли уверенность союзников в успешном выступлении против Спарты. В этом отношении не менее важное значение также имели, очевидно, и связи Коринфа с его колониями. Так, например, в 395 г. до н. э., следуя примеру метрополии, к коалиции присоединились левкадяне, амбракиоты и акарнанцы (*Diod.*, XIV, 82, 3 – 4). Можно предположить, что и с остальными колониями на западных торговых маршрутах в течение 395 – 386 гг. до н. э. коринфяне поддерживали весьма тесные связи.

Одним из звеньев политической оси являлись и фиванцы, гегемония которых распространялась на большинство беотийских полисов (за исключением Орхомена)⁸. В начале IV в. до н. э. Беотийский союз являлся достаточно мощным объединением. О военном потенциале беотийцев свидетельствует тот факт, что союзники могли выставить войско из 11 тыс. пехотинцев (*Hell. Oxy.*, 11). Интересы беотийцев распространялись не только на Среднюю Грецию, где летом 395 г. до н. э. они поддержали дружественных локров в территориальном конфликте с фокидянами (*Hell. Oxy.*, 11, 1; 13, 1 – 7; *Paus.*, III, 9, 9; *Plut.*, Lys., 27; *Xenoph.*, *Hell.*, III, 5, 3). Беотийцы, разумеется, имели связи с различными политическими силами в отдельных полисах Северной Греции. Еще в 455 г. до н. э. беотийцы вместе с афинянами и фокидянами пытались вернуть власть изгнанному из Фессалии Оресту, сыну царя Эхекратида (*Thuc.*, I, 111). Поскольку Фессалия издавна славилась плодородием (*Thuc.*, I, 1, 2) и экспорттировала хлеб в соседние области (*Xenoph.*, *Hell.*, V, 4, 56; VI, 1, 11)⁹, Беотийская симмахия была заинтересована в распространении собственного влияния в этом районе. Поэтому зимой 395 / 394 г. до н. э. беотийцы и их союзники отправили армию в Фессалию, где поддержали Медия, правителя Лариссы. В то время Медий был вовлечен в борьбу с ферским тираном Ликофоном (*Diod.*, XIV, 82, 6). Союз с правителем Лариссы рассматривался как противовес враждебному Орхомену и спартанским гарнизонам в Этее и Гераклее Трахинской, которые обеспечивали движение спартанской армии через Фермопильский проход (*Diod.*, XIV, 82, 6). Союзные силы, посланные Медию, помогли ему в захвате Фарсала (*Diod.*, XIV, 82, 6). После того, как из местных полисов были вытеснены лакедемоняне, беотийцы сумели убедить эниан и афаманов примкнуть к антиспартанскому альянсу и выступить против Фокиды (*Diod.*, XIV, 82, 7). – единственного серьезного противника беотийцев в этом регионе.

По сравнению с афинянами, коринфянами и фиванцами, Аргос, казалось бы, не имел такого положения в системе межгосударственных отношений и обширных связей с другими полисами. Однако в годы Малой Пелопоннесской войны аргивяне были союзниками афинян и фессалийцев (*Thuc.*, I, 102). Весьма активно Аргос проявил себя и в 420 – 418 гг. до н. э., когда в союзе с Афинами, Элладой и Мантинеей вел войну со спартанцами и их пелопонесскими союзниками (*Thuc.*, V, 55 – 75).

Некоторые исследователи справедливо полагают, что ведущая роль в этом альянсе отводилась Аргосу¹⁰. Политика нейтралитета в годы Пелопоннесской войны позволила аргивянам сберечь людские ресурсы и избежать экономических потерь¹¹. Необходимо отметить, что в союзной армии при Немее аргосский гоплитский контингент был самым крупным – 7 тыс. воинов (Xenoph., Hell., IV, 2, 16). Не исключено, что воины из Аргоса по боевым качествам превосходили других гоплитов симмахии. Фукидид сообщает о тысячном аргосском отряде отборных воинов, «которых государство с раннего их возраста обучало военным упражнениям на общественный счет» (Thuc., V, 67, 2; пер. Ф. Г. Мищенко). Безусловно, сильный Аргос мог быть привлекательным партнером в антиспартанской коалиции. Поэтому аргивяне в качестве потенциальных союзников не случайно упомянуты в речи фиванских послов во время переговоров с афинянами в 395 г. до н. э. (Xenoph., Hell., III, 5, 8 – 16).

Таким образом, располагавшие наибольшими военными ресурсами и авторитетом среди остальных греков, Афины, Фивы, Коринф и Аргос не только принимали активное участие в военных кампаниях и политических акциях, но и в значительной мере определяли политику антиспартанского альянса в течение Коринфской войны. Основная задача этого союза заключалась, разумеется, в противостоянии спартанскому экспансизму. Однако осевой статус Афин, Фив, Коринфа и Аргоса в антиспартанской симмахии позволял этим полисам преследовать собственные цели. Насколько справедливо утверждение Дж. Дэвиса о том, что именно наиболее влиятельные греческие государства оспаривали гегемонию у Спарты¹²?

Многие исследователи справедливо отмечают, что в течение Коринфской войны афиняне предприняли первые попытки возрождения Морского союза¹³. Но стремление афинян к восстановлению былого могущества было непосредственно связано с наличием у них тех средств, которые, в первую очередь, обеспечивали преобладание на море – флота и денег на его содержание. До лета 393 г. до н. э. Афины не имели таких средств, а их появление напрямую было связано с успешной деятельностью Конона: после многолетней эмиграции он во главе флота вернулся в город и полученные от Фарнабаза деньги вложил в восстановление крепостных сооружений Афин (Diod., XIV, 81, 4; IG, II, № 1656; Xenoph., IV, 8, 10)¹⁴. Над постройкой стен работали как сами афиняне, так и каменщики, присланные фиванцами и некоторыми другими греками (Diod., XIV, 85, 2 – 4; Xenoph., Hell., IV, 8, 10). Работы по восстановлению стен были начаты еще в правление архонта Диофанта (394 / 393 г. до н. э.) и не прекратились, очевидно, после 393 г. до н. э. (IG, II, № № 1656 – 1664).

Хотя П. Клоше отрицает значимость строительства крепостных сооружений в политическом контексте¹⁵, важность работ все-таки была для Афин велика. Дело в том, что с осени 394 г. до н. э. Спарта уже не

господствовала над островными и малоазийскими полисами, а Персия еще не установила полный контроль над ними¹⁶. Дж. Коуквелл на основании нумизматических свидетельств предполагает, что Родос, Иас, Книд, Эфес, Самос, Византий, Кизик и Лампсак образовали симмахию и стали чеканить общую монету с легендой «ΣΥΝ»¹⁷. Очевидно, к 392 г. до н. э. симмахия распалась, так как выпуск монет не только в Эфесе, но на Самосе и Родосе в то время был уже невозможен – эти полисы находились под контролем лакедемонян (Diod., XIV, 94, 6; Xenoph., Hell., IV, 8, 18 – 22; 30). Тем не менее, вероятное стремление эгейских полисов к политической и экономической интеграции обратило на себя внимание афинян, которые в то время рассчитывали восстановить Морской союз, но не имели для этого достаточных средств.

Однако явную попытку возрождения Афинской архэ, очевидно, следует все же связывать с экспедицией Фрасибула в район Геллеспонта и Пропонтиды в 390 г. до н. э. В то время афинский стратег установил контроль над важной для Афин и их союзников торговой магистралью (Diod., XIV, 94; Xenoph., IV, 8, 25; 27 – 28). В Византии Фрасибул сдал на откуп десятипроцентную пошлину с товаров, вывозимых из Понта (Xenoph., Hell., IV, 8, 27), склонил к союзу с Афинами фракийских царей Севта и Медока (IG II, №№ 21, 22; Xenoph., Hell., IV, 8, 26), установил союзные отношения с Фасосом (Demosth., XX, 59; IG, II, № 24), Самофракией (Xenoph., Hell., V, 1, 7), Калхедоном и некоторыми приморскими полисами (Xenoph., Hell., IV, 8, 28).

Беотийцы, коринфяне и аргивяне не связывали собственные планы с войной на море. Безусловно, интересы беотийцев заключались в вытеснении спартанцев и обеспечении политической стабильности в Средней и Северной Греции. В течение осени 395 – лета 394 гг. до н. э. им удалось выполнить эту задачу. Хотя при Коронее Агесилай и нанес поражение союзнической армии, в этом регионе до конца Коринфской войны, очевидно, сохранялось преобладание беотийцев. Косвенным свидетельством такого преобладания, по-видимому, могут служить как неуступчивость фиванцев во время заключения Царского мира (Xenoph., Hell., V, 1, 32), так и военные приготовления спартанцев с целью принудить беотийцев к миру (Xenoph., Hell., V, 1, 33). Поскольку источники не сообщают о каком-либо военном присутствии спартанцев, афинян, коринфян и аргивян после 394 г. до н. э. в Средней и Северной Греции, можно предположить, что в течение следующих лет беотийцы доминировали в этом регионе.

В отличие от Афин и Фив, влияние которых на отдельные области Греции было очевидным, стремление коринфян и аргивян к распространению собственного господства, на первый взгляд, выражалось слабо. После сражения у Немеи летом 394 г. до н. э. сухопутная кампания приобрела позиционный характер (Xenoph., Hell.,

IV, 4, 14). С этого времени ни о каком вторжении в Спарту союзники, разумеется, не помышляли. Однако вначале расчеты афинян, беотийцев, коринфян и аргивян строились на разобщении Спарты и ее союзников (Хенопр., Hell., III, 5, 11 – 12), а к лету 394 г. до н. э., – уже только на быстром наступлении на лакедемонян (Хенопр., Hell., IV, 2, 110 – 12). В случае реализации этих замыслов коринфяне могли лишить спартанцев региональной гегемонии. Ведь «Коринф, как крупный сельскохозяйственный, торговый и ремесленный центр, занимал привилегированное положение в Пелопонесском союзе»¹⁸, поэтому в сравнении с отсталой аграрной Спартой он имел очевидные преимущества в борьбе за региональное господство. Спарте иногда приходилось считаться с позицией этого полиса. Так, например, накануне Пелопонесской войны коринфяне настаивали на выступлении против афинян, на которое лакедемоняне долго не решались (Thuc., I, 80 – 87; 118 – 125, 2). Следует также добавить, что именно Коринф инициировал образование антиспартанского союза в 421 г. до н. э. (Thuc., V, 27 – 31, 1)¹⁹.

Заслуживает особого внимания и факт продолжительного пребывания союзного совета в Коринфе – ζενέδριον κοινὸν εν τῇ Κορίνθῳ (Diod., XIV, 82, 2). В 393 г. до н. э. синедрион еще располагался в этом городе (Diod., XIV, 84, 5; Хенопр., Hell., IV, 8, 10). Разумеется, решение о размещении синедриона в Коринфе было принято с общего согласия союзников. Ч. Хэмилтон верно полагает, что такое решение было продиктовано не только интересами Коринфа и Аргоса, но также Афин и Беотийской симмахии: ведь афинянам угрожало вторжение спартанской армии, а беотийцы в таком случае рисковали своими основными союзниками²⁰. Однако для коринфян, помимо обороны их полиса, размещение синедриона в Коринфе предоставляло и другую выгоду. Коринф становился не только географическим средоточием коалиции, но и его «столицей». Изучая соотношение политического и географического фактора в становлении центров амфиктионий и симмахий, О. В. Кулишова и С. Г. Карпюк справедливо отмечают: «...впоследствии центр союза смешался от реального географического центра к центру, более периферийному в географическом плане, но более значимому либо в политico-экономическом отношении, ...либо в религиозно-политическом. Постепенно этот новый «периферийный» (в географическом отношении) центр стремился к тому, чтобы стать уже и географическим центром объединения»²¹. Но Коринф изначально являлся и географическим²², и политическим центром, что в случае победы над Спартой, на наш взгляд, могло иметь важное значение для становления коринфской гегемонии.

Однако после поражений летом 394 г. до н. э. и демократического переворота в Коринфе в 392 г. до н. э. коринфяне были вынуждены, вероятно, отказаться от каких-либо гегемонистских помыслов. В связи

с этим становится понятным мнение античных авторов, которые расценивают исход битвы у Немеи как серьезную неудачу союзников (Lysias, XIV, 15; III, 45; Xenoph., Hell., IV, 2, 23). Поэтому с конца 90-х гг. IV в. до н. э. влияние аргивян в Пелопоннесе возросло и отразилось в синтелии Аргоса и Коринфа (Plut., Ages., 21; Xenoph., Hell., IV, 4, 6). В этом союзе аргивяне явно доминировали в течение нескольких лет, но в 386 г. до н. э. по требованию спартанцев из Коринфа был выведен аргосский отряд, а синтелия разорвана (Xenoph., Hell., V, 1, 34). Безусловно, этот союз был опасен для пелопоннесцев, так как существование аргосско-коринфского государства ставило под сомнение господство спартанцев над местными олигархическими полисами, в которых присутствовала ощущимая демократическая оппозиция²³.

Итак, Афины, Фивы, Коринф и Аргос располагали значительным военным и политическим потенциалом, который позволял им претендовать на гегемонию в пределах отдельных регионов. В годы Коринфской войны антиспартанская коалиция увеличилась за счет тех общин материковой Греции и Эгеиды, которые не примкнули к союзу в первые месяцы войны. Мы не можем уверенно судить о том, являлись ли эти полисы членами симмахии 395 г. до н. э., так как источники не сообщают о заключении каких-либо союзных договоров. Осевые государства получали возможность претендовать на гегемонию, безусловно, благодаря широкому представительству греческих полисов, на наш взгляд, в неформальной антиспартанской коалиции. Таким образом, антиспартанский союз 395 г. до н. э. являлся объединением полисов, общие интересы которых сводились к свержению спартанского господства в греческом мире. В этом отношении объединение действительно было антиспартанским и антигегемонистским. В остальном же симмахия 395 г. до н. э. являлась основой для реализации гегемонистских замыслов Афин, Фив, Коринфа и Аргоса.

Примечания

¹ Из наиболее значимых работ, посвященных Коринфской войне, см., например: Accame S. Ricerche intorno alla Guerra Corinzia. – Napoli, 1951; Hamilton C. D. Sparta's bitter victories: Politics and diplomacy in the Corinthian war. – Ithaca; London, 1979; Kagan D. The Economic Origins of the Corinthian War // La Parola del Passato. – Napoli, 1961. – № 16. – P. 321 – 341; Perlman S. The Causes and Outbreak of the Corinthian War // ClQ. – Oxford, 1964. – Vol. 14. – P. 64 – 81.

² Davies J. K. Democracy and Classical Greece. – Sussex; N. Y., 1978. – P. 163.

³ Ibid.

⁴ Accame S. Ricerche intorno alla Guerra Corinzia... – P. 67.

⁵ Hamilton C. D. Sparta's bitter victories... – P. 214 – 217.

⁶ Accame S. Ricerche intorno alla Guerra Corinzia... – P. 47; Perlman S. The Causes and Outbreak of the Corinthian War ... – P. 72.

⁷ Perlman S. The Causes and Outbreak of the Corinthian War... – P. 79 – 80.

⁸ Фивам принадлежало, что не маловажно, 37, 82 % всей беотийской территории. См.: González J. P. La Confederación beoica a principios del siglo IV a. C.: La distribución territorial de las poleis // Gerión.– Madrid, 1996. – № 14. – P. 139.

⁹ Кутєргин В. Ф. Беотийский союз в 379 – 335 гг. до н. э.. – Саранск, 1991. – С. 117, 120.

¹⁰ Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and the Small Cities in Ancient Greece. – Bruxelles, 1973. – P. 162 – 163; Hammond N. G. L. A History of Greece. – Oxford, 1959. – P. 379 – 386.

¹¹ Hammond N. G. L. A History of Greece... – P. 379.

¹² Davies J. K. Democracy and Classical Greece... – P. 163.

¹³ Cloché P. La politique étrangère d'Athènes de 404 à 338 avant Jésus Christ. – P., 1934. – P. 9 – 12; Hammond N. G. L. A History of Greece... – P. 462 – 463; Perlman S. Athenian Democracy and the Revival of Imperialistic Expansion at the Beginning of the Fourth Century b.c. // CPh. – Chicago, 1968. – Vol. 63. – № 4. – P. 257 – 267.

¹⁴ Seager R. Thrasylus, Conon and Athenian Imperialism, 396 – 386 B. C. // JHS. – London, 1967. – № 87. – P. 103.

¹⁵ Cloché P. La politique étrangère d'Athènes... – P. 17.

¹⁶ Barbieri G. Conone. – Roma, 1955. – P. 164.

¹⁷ Cawkwell G. L. A Note on the Heracles Coinage Alliance of 394 B. C. // Numismatic Chronicle. – 1956. – № 16. – P. 73 – 75.

¹⁸ Строгецкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478 – 431 гг.). – СПб., 2008. – С. 99.

¹⁹ О коринфской дипломатии в ближайшие годы после окончания Архидамовой войны см.: Жестоканов С. М. Коринф и Спарта: старые союзники на грани войны // История. Мир прошлого в современном освещении. – СПб., 2008. – С. 143 – 151.

²⁰ Hamilton C. D. Sparta's bitter victories... – P. 217; Hamilton C. D. The Politics of Revolution in Corinth, 395 – 386 B. C. // Historia. – Wiesbaden, 1972. – Bd. 21. – Hft. 1. – P. 25.

²¹ Карпюк С. Г., Кулишова О. В. Союзы в архаической и классической Греции: представления о географическом и политическом центре // Мнемон. – СПб., 2007. – Вып. 6. – С. 288.

²² Коринф находился в центре воображаемого круга, включавшего в себя практически всю Балканскую Грецию и часть островов Эгейды: от Фессалии на севере, до Киферы на юге; от Керкиры на западе, до Хиоса на востоке.

²³ Hamilton C. D. Sparta's bitter victories... – P. 212 – 213.